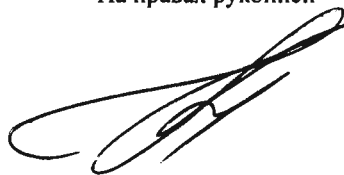

0- 794438

На правах рукописи

КУРБАТОВ АЛЕКСАНДР ВАЛЕНТИНОВИЧ

КОЖЕВЕННОЕ РЕМЕСЛО В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РОССИИ

07.00.06 – археология

**Автореферат
на соискание ученой степени
доктора исторических наук**

**Санкт-Петербург
2012**

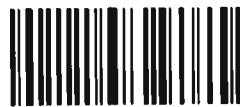
Работа выполнена в Институте истории материальной культуры
Российской Академии Наук

Официальные оппоненты:

- Белавин Андрей Михайлович, доктор исторических наук, профессор,
Пермский государственный педагогический университет (г. Пермь),
проректор по научной работе и внешним связям
- Кочуркина Светлана Ивановна, доктор исторических наук, Институт языка,
литературы и истории Карельского НЦ РАН (г. Петрозаводск),
заведующий сектором археологии
- Свердлов Михаил Борисович, доктор исторических наук, профессор, Санкт-
Петербургский Институт истории РАН (г. Санкт-Петербург), Отдел
древней истории России, главный научный сотрудник

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КФУ

Ведущая организация Государственный Эрмитаж

0000806651

Защита состоится 11 апреля в 14 часов на заседании диссертационного
совета Д 002.052.01 при Институте истории материальной культуры РАН по
адресу: Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института истории
материальной культуры РАН.

Автореферат разослан «29» «февраль» 2012 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат исторических наук

П.Е. Нехоршев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Работа посвящена изучению древнерусского кожевенного ремесла. Она обеспечена большим объемом археологических материалов в городах лесной зоны Восточной Европы, где в культурном слое хорошо сохранились органические остатки. Научная разработка этой темы сегодня ещё не дала ответов на широкий круг вопросов организации, технологии, техники выделки кож и пошива кожаных изделий. В свете достижений европейской и отечественной науки, проблематика в изучении ремесла сегодня выглядит значительно более широкой, чем это представлялось ранее. Увеличилось число направлений изучения и тех вопросов, ответы на которые могут быть получены при комплексном анализе письменных и изобразительных источников, данных этнографии и археологии.

Для кожевенного ремесла сохраняется лакуарность археологических и письменных данных — и в хронологическом, и географическом плане. Не с равной полнотой обеспечены источниками города Восточной Европы в каждый исторический период (Киевская Русь, Ордынский, Московский) и более дробные временные диапазоны (столетия и их фазы). Сохранность древних слоев различается даже в одном городе, а тем более в городах разных регионов.

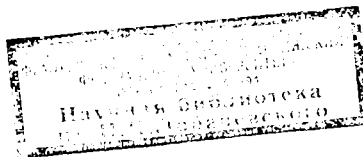
Всестороннее рассмотрение средневекового ремесла требует привлечения результатов разных наук. Особого внимания заслуживает оценка сырьевой базы и методов выделки кож. Письменные данные о таких аспектах ремесла до XVI в. единичны, а для XVI–XVIII вв. отрывочны, выборочны и неравномерны по регионам. Этнографические сведения XIX–начала XX вв. показывают региональные традиции в способах выделки кож для Восточной Европы и Сибири. Но региональные и этнические особенности выделки кож и пошива изделий в Средние века на сегодня практически не вычленены на археологическом материале.

Технические изменения в ремесленном производстве находят отражение в исторической лексике. Изменения и расширение названий ремесленных орудий, приемов и методов обработки сырых шкур, зафиксированы в письменных памятниках. Изучение всего комплекса специальной терминологии может быть сопоставимо с синхронной сферой материальной культуры.

Предмет, цели и задачи исследования. Предметом данного исследования служит кожевенное ремесло как система производственных занятий специалистов-кожевников по обработке животного сырья (шкур) для получения материала с иными свойствами (кожи), а также пошив из кожи изделий разного назначения. Кожевенное производство представляется в виде технически и технологически унифицированной выделки кож более или менее крупными партиями, различающейся по историческим периодам. Такое положение объясняется длительностью производственного цикла выделки кож и потребностями населения в регулярном обновлении кожаных изделий. Объектом исследования служит полный комплекс кожаных предметов, найденных на каждом участке памятника (города). Единицей изучения признается набор всех находок на участке памятника (раскоп) в рамках таксономической единицы полевой фиксации, включая мелкие обрезки. Сюда же входит и весь комплекс археологических предметов и объектов, связанных с изготовлением, эксплуатацией и утилизацией кожаных изделий и отходов ремесла.

Состояние знаний определяет очередные задачи и методические подходы к изучению кожевенного ремесла:

1. Максимально полный сбор материалов на каждом памятнике, помогающий определять назначение каждой находки;
2. Установление в археологическом контексте участков производственной деятельности кожевников, мест и способов утилизации отходов;

3. Определение назначения отдельных деталей в изделиях, реконструкция формы, техники конструирования, пошива и декора изделий с последующей систематизацией и типологией материалов;

4. Конкретизация места кожевенного ремесла в хозяйстве древнего социума в каждом городе и регионе.

Методику исследования определяет комплексный анализ письменных, археологических и изобразительных источников, данных этнографии и современного кожевенного производства. Массовость археологических кожаных предметов позволяет применить их *статистический анализ*, включая элементы *исторической статистики*, *планиграфии* и *картографии*. Практика средневековых кожевников может быть сопоставима с письменной и этнографической традицией, что позволяет использовать *метод интерполяции*. Обосновано применение и *ретроспективного метода*. При изучении древних вещей привлекаются результаты *естественнонаучных методов*, в том числе *гистологии* сырья и *спектрально-эмиссионного анализа* металлических изделий.

Источники. Принципиально широкий подход к изучению средневекового русского кожевенного ремесла потребовал создания всеобъемлющей и комплексной источниковой базы, где особое место занимают археологические материалы. Кожаные предметы являются одной из самых массовых категорий находок в ряде средневековых городов лесной зоны Восточной Европы. Серийный и стандартизованный характер ремесленной продукции определяет и метод изучения ремесла — на основе представительных выборок находок для каждого исторического периода. Наибольший интерес имеют представительные и эталонные выборки находок, изученные в Ивангород, Твери, Мангазее.

В работе использованы представительные археологические коллекции из 16-и городов Восточной Европы и Сибири, обработанные автором. Кроме них к анализу материалов привлечены находки и аналитические разработки по ряду других городов средневековой Руси/России. Сравнительное изучение

проведено на широком фоне археологических коллекций разных регионов Восточной и Западной Европы. Их дополняют анализы систематизированных письменных, изобразительных и этнографических данных по разным аспектам кожевного ремесла и бытового использования кожаных изделий.

Новизна исследования заключается в постановке и решении задачи максимально полного раскрытия возможностей средневекового общества по выделке из сырого животного сырья искусственного материала — кожи, показа всей широты использования кожи в разных сферах жизнедеятельности и способов утилизации кожевных отходов.

Апробация исследования. Основные положения работы изложены в монографиях «Кожевное ремесло Твери XIII–XV вв.» (2004 г., 40 п.л.) и «Мангазея: Кожаные изделия (по раскопкам 2001–2007 гг.)» (2011, 25 п.л., соавторы: Визгалов Г.П., Пархимович С.Г.), 80 статьях, 19 заметках и тезисах. Подавляющая часть археологических коллекций, обработанных автором, введена в научный оборот. Положения и материалы работы обсуждались на заседаниях Отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН, на региональных, всероссийских и международных конференциях и семинарах в Москве (1999), Новгороде (2002, 2005), Пскове (1992, 2002–2004, 2005, 2007, 2010), Твери (1993–1999, 2002, 2003, 2005, 2006, 2008), Санкт-Петербурге (1991, 1994, 1995, 1997, 2000, 2004–2010), Нарьян-Маре (1998), Ижевске (2000), Торопце (1990), Нарве (1989), Старой Ладогe (1995, 2001–2004), Владимире (2007, 2008), Суздале (2008), Самаре (2000), Нижнем Новгороде (1993), Турку (Финляндия, 2001) и Щецине (Польша, 2002).

Практическое значение работы. Результаты исследования можно использовать при написании обобщающих работ, лекционных курсов и музейных экспозиций по истории древнерусского ремесла, средневековой одежды и моды. Методика описания и систематизация материала применима при создании каталогов-определителей и систематизации музейных фондов. Изученные и реставрированные автором кожаные изделия использованы при

создании временных и постоянных экспозиций в Тверском государственном объединенном музее (1997).

Структура работы. Диссертация состоит из введения и 7-и глав (последняя — вместо заключения). Имеется научный аппарат (списки литературы, источников, сокращений и иллюстраций) и 2 приложения: терминологический словарь и альбом иллюстраций.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** определены особенности кожевенного сырья и широта его использования в средневековом быту, что определится особыми качествами кожи — эластичностью, прочностью на разрыв, способностью сохранять любую придаваемую форму, пригодностью к переработке легкодоступными способами, с помощью растительного сырья и минералов, находимых в каждой местности. Кожаные изделия хорошо защищают тело человека от воздействий окружающей среды, имеют эстетичный внешний вид и небольшой вес.

Глава 1. Историография и современная проблематика.

Основные этапы в истории изучения древнерусского ремесла первоначально сформулировал Б.А. Рыбаков. Автор дополнил их уже применительно к кожевному ремеслу. *Первый этап* связан с накоплением более или менее случайных материалов в первой половине XIX в. Он завершился с выходом книги Н.Д. Аристова (1866). *Второй этап* отмечен постепенным накоплением археологического материала во второй половине XIX—начале XX вв. С конца XIX в. были начаты раскопки древнерусских городов. Окончанием этапа назван выход фундаментальной работы Л. Нидерле «Славянские древности», включавшей раздел по ремеслу [Niderle, 1921, t. III, 1]. *Третий этап* полностью соотносится с советским временем. Накопление материалов раскопок в 40–50-е годы XX в. привело к появлению работ, посвященных анализу кожевенного ремесла. В это время

складывались первые значительные коллекции археологических кожаных предметов. В то же время отмечен эмпирический подход к истолкованию археологического материала, включаемого в состав исторических источников по древнерусскому ремеслу. С 1958–1959 гг. можно говорить о начале *четвертого этапа* изучения ремесла, отмеченного пониманием специфики археологических материалов, привлечением данных естественных наук, научных экспериментов и анализов [Курбатов, 2011].

Современная проблематика включает три основных направления изучения ремесла: технико-технологическое, вещеведческое и историко-культурное. Принципиально важным надо считать увеличение объема археологических материалов и расширение географии изучаемых памятников. На первом месте стоит потребность в представительных коллекциях с «узкими» хронологическими рамками отдельных комплексов, на основе которых строятся тип-хронологические колонки по видам кожаных изделий в каждом городе.

Одно из направлений — это изучение ремесла, как основы деятельности жителей средневекового города. Размещение кожевенных мастерских, их техническое оснащение и специализация определяют специфику ремесла в каждый исторический период. В работе освещены вопросы профессионального обучения и регламентации ремесленных занятий для соблюдения санитарных норм в древнерусском городе [Курбатов, 2004].

В комплексе источников археологические материалы получают новую историко-культурную интерпретацию. Это, например, оценка массовых предметов при решении вопросов палеоэтнографии и культуры средневекового города его торговых контактов с соседями [Курбатов, 2007].

Особое направление изучения средневековой культуры составляет история одежной моды. Внесены коррективы в оценку длительности бытования в русских городах идентичных видов одежды и обуви. Стала очевидна тенденция к изменению формы изделий, техники пошива, способов

и мотивов декора в рамках 2-х поколений. Смена технических и художественных приемов отражает в кожевенной продукции стилевые направления и собственно «моду» [Курбатов, 1992; 2004; 2005; 2006; 2008].

Глава 2. Источники и методика изучения.

Археологические источники. В работе подробно анализируются археологические комплексы, обработанные автором. В Твери, Ивангороде и Мангазее получены эталонные коллекции, изучены места производства, составлены типологические колонки изменения кожаных изделий. Раскопки 1993–1997 гг. в центре Тверского кремля (площадь 1400 кв. м.) дали 82 тыс. предметов и ряд мастерских последней четверти XIII–первой половины XV в. К этому времени относится и комплекс из 56.898 находок в южной части кремля (1985 г., площадь 150 кв. м.). Раннемосковское время (4-я четверть XV в.) характеризуют 223 предмета с Затьмацкого посада (1999 г.). К концу XV–первой половине XVIII вв. относятся 2.010 предметов из центральной части кремля (1998 г.). Коллекция раскопа № 1 в крепости Ивангород включает более 10 тысяч предметов трех хронологических групп: конец XV–середина XVI вв., конец XVI–начало XVII вв. и конец XVI–первая половина XVII вв. Раскопки Мангазеи в 1968–1973 и 2001–2007 гг. дали более 5 тысяч изделий, в основном, первой половины XVII в. [Курбатов, 1991; 1995; Визгалов, Пархимович, Курбатов, 2011].

Хронологическую и территориальную широту охвата материалов дают коллекции ряда городов. При раскопках в Старой Ладогe с 1940-х гг. по настоящее время собрано более 580 кожаных предметов, в основном, IX–X вв. На Рюриковом Городище изучены кожаные изделия конца IX–начала X вв. и 463 предмета XI–XIII вв. Коллекция с Верхнего замка Полоцка (раскоп 1957 г.) включает 858 предметов конца XII–первой половины XIII вв. Изучены материалы с трех участков средневековой застройки Пскова: с Васильевского раскопа — 1144 предмета конца XIV–XVII вв., раскопов IVA и XIV на улице Ленина (903 находки XIV–XV вв.) и Петровских II–IV, VIII и IX раскопов в Окольном городе (более 15 тысяч предметов XIV–XVII вв.). В

Торжке на Климентовском-1 раскопе получено 748 предметов XIV-XV-XVII вв. Из раскопок крепости Орешек изучены 1041 предмет новгородского, московского и шведского периодов. Из Гдова (1996 г.) происходят 34 предмета последней четверти XV в., а из Пустозерска (1987-1995 гг.) — 197 предметов XVI-XVII вв. Кроме названных памятников автор обработал небольшие коллекции и отдельные находки из комплексов XIV-XVII вв. в городах Ям (Кингисепп) и Осташков, Антониево-Дымском и Антониево-Краснохолмском монастырях, могильнике Великино (Ленинградская область) [Курбатов, 1999; 2003; 2004; Курбатов, Кильдюшевский, 1997].

Необходимую широту охвата сравнительных материалов обеспечивает обработка автором коллекций из 3-х городов Восточной Европы, относящихся к периодам «иноземного» политического подчинения — Таллинна, Выборга и Чернигова [Курбатов, 1996; 2003].

Особым методическим приемом надо считать исключение из сферы обработки автором коллекций Новгорода. Это имеет несколько причин. Крупная коллекция Неревского раскопа уже была введена в научный оборот С.А. Изюмовой и стала своего рода эталоном научного анализа. Она позволяет сравнивать с новгородскими материалами новооткрытые комплексы других городов. В ряде городов можно выделить формы, конструкции и декор изделий, пошитых в Новгороде, или сделанных в этих городах выходцами из Новгорода. В то же время, постоянное поступление в Новгороде нового материала из раскопок требует постоянного наблюдения, начиная с полевого этапа, и анализа кожаных предметов в контексте открываемых сооружений и всего комплекса находок. Такая задача под силу только исследователю, ограничившемуся рамками одного города.

Обработанные материалы охватывают разные природно-географические зоны Восточной Европы и Сибири: лесостепь, лесную и тундровую зоны. В историко-географическом отношении это территории, на которых изначально складывалось древнерусское государство, в том числе

земли, изменявшие в отдельные исторические периоды свою политическую подчиненность (Полоцк, Чернигов, Таллинн, Выборг, Ивангород, Орешек), а также территории, присоединенные к России в XV–XVII вв., что наложило отпечаток на традиции ремесла и формы изделий.

Специфика археологических источников. Обработка коллекций кожаных предметов позволяет сформулировать общие черты этого вида находок:

1) Особенности формирования культурного слоя каждого памятника определяют возможную дискретность отдельных массивов кожаных предметов в стратиграфически последовательных слоях. Поэтому, необходим самостоятельный анализ блоков находок из каждого слоя (строительного яруса). Датировка комплексов в смежных слоях может быть достаточно условной;

2) В массе кожаные предметы содержат не менее двух блоков исторической информации, отражающей: — общую картину жизни на поселении в конкретный период; — сведения о жизни и быте отдельных членов общества. Личностная форма использования вещей позволяет выделять общественный стереотип их утилизации. Такая «личностная оценка» дает знания о характере реальных жителей древнего города — и потребителей, и производителей товаров.

3) Сравнение аналогичных изделий, близких по времени пошива, на разных поселениях, не затеняет индивидуальность каждого изделия и присущие каждому поселению признаки и особенности. Выделить признаки изделий, характерных только для данного поселения, применительно к короткому временному отрезку, можно на больших выборках однотипных изделий по условно «закрытым комплексам».

4) Серийность однотипных изделий, по форме и манере пошива, позволяет выделять новые, ранее не известные виды кожевенной продукции.

Письменные источники по теме включают летописи, житийную литературу, деловую письменность, берестяные грамоты, актовый материал,

словари и записки иностранцев. Они содержат несколько групп слов-терминов — названия кожаных изделий, материалов, приспособлений и инструментов, технико-технологических процессов в кожевенном деле, приемов организации ремесла и другое. Следует различать время их первого упоминания в источниках и период широкого бытования в языковой сфере. Сопоставление названий с археологическими находками основано на синхронности двух групп источников и учитывает вариативность значения терминов во времени.

В работе использованы комплексный и диахронный анализы терминологии. Первый включает использование всех терминов, известных для каждого исторического периода, разбор вариантов их употребления в разных контекстах. Второй предполагает сравнение комплексов лексики разных периодов. В работе привлечены источники XI–XX вв., что позволяет выявить языковые заимствования и новые словоупотребления разного времени, относящиеся к изменению вещей, а также техники и технологии ремесла.

Берестяные грамоты отражают живую древнерусскую языковую лексику и привязаны к археологическому контексту. Большинство кожевенно-обувных терминов в них нейтральны с технологической точки зрения. Анализ берестяных грамот позволяет сделать некоторые выводы о продукции и технике кожевенного ремесла:

1) в древнерусское время названия кожи не отражали специального деления по сортам кожи или способам её выделки, кроме терминов *деланая* и *неделаная* кожа; использование разных слов имеет в основе региональное разделение историко-культурного характера, а также особенности восприятия позднейших переписчиков; профессиональная терминология распространяется в деловой речи, видимо, только с XV–XVI вв.;

2) отдельные названия обуви (поршни, черевики, боты) попали в относительно ранние источники при позднейшей переписке и не могут быть

свидетельством употребления в речи и письменности в древнерусский период;

3) некоторые названия в грамотах (*зудзики, черева, измази*), требуют переосмысления при соотнесении с материальной культурой [Курбатов, 2001].

Как пример обиходной русской речи XVI–XVII вв. рассмотрены три словаря иностранцев. «Парижский словарь московитов» 1586 г. содержит богатую торговую и сословно-профессиональную номенклатуру. В словаре Тонни Фенне 1607 г. (составлен в Пскове) с кожевненным делом связаны группы слов, называющих видовое и половозрастное деление домашнего скота, названия кожи и шкур, детали упряжи, кожаную обувь и одежду, орудия труда, производственные термины, растительные и минеральные вещества, возможно использованные для выделки и окраски кож и мехов. Названы 23 ремесленных специальности, не отмеченные в других псковских документах. Словарь-дневник Ричарда Джеймса (составлен в 1618–1619 гг., преимущественно в Холмогорах) также содержит широкий набор названий, связанных с обработкой кожи и изделиями из неё.

Прослежена связь кожевенной лексики и материальной культуры. Названия сортов кожи, орудий труда кожевников, оснащения мастерских, а также кожаных изделий, на каждом историческом этапе соотносятся с конкретными предметами материальной культуры. В разные периоды, одни и те же инструменты и изделия, могли называть по-разному, или наоборот — одно наименование постепенно может распространяться на различные предметы.

Определенное влияние на широту лексики и отражение в ней нюансов ремесленной технологии оказывали переломные исторические события — изменение территории государства, смена правителей, развитие институтов управления и другое. В такое время интенсивнее происходят заимствования в ремесле, внедрение новых форм изделий и декора в той степени, которая отвечает укладу жизни и занятий населения. Эти аспекты историко-

филологического исследования, рассмотренные с точки зрения историка материальной культуры, открывают новые ракурсы для понимания техники и технологии древних обществ, исторических закономерностей «скачков» в техническом прогрессе, дают новые интерпретации для устойчивых научных представлений и хрестоматийных примеров, взятых из письменных источников. Усвоение в русском языке специальной лексики, связанной с кожаным ремеслом, можно относить ко времени не ранее XV в., что было широко отражено в письменных памятниках с XVI в. [Курбатов, 2001].

Изобразительные материалы показывают, что реалистичные изображения обуви в произведениях древнерусского искусства появились не ранее XV–XVI вв. Едва ли не самым ранним является изображение сапог «мастера Авраама» на Корсунских вратах Новгородского Софийского собора, содержащие признаки конструкции и стиля, отмечаемые по археологическим находкам не ранее рубежа XV–XVI вв. Раннее изображение лаптей можно видеть в Житии Сергия Радонежского, по списку конца XVI–начала XVII вв., в сцене «Пахота Сергия». Другая обувь Сергия находит соответствие в «покойничьих тапках». Археологические находки в русских городах есть в реалистичных западных изображениях одежды и обуви XV–XVI вв. [Курбатов, 2004; 2009].

В целом, изображения одежды в древнерусской живописи отражают, прежде всего, традиционную манеру письма, унаследованную от византийских прототипов. Они имели знаковую нагрузку в русле христианской иконографии, где были не важны реалии своего времени. Как признак и особенность реалистического искусства, детализация обуви не свойственна древнерусской живописи и миниатюре. Она появилась в них под влиянием западного искусства не ранее XVI в.

Материалы этнографии отражают позднюю стадию сложения великорусской народности, исторически соответствующую эпохе Московского государства XVI–XVII вв. и петровского времени. Это видно на

примерах распространения плетной и погребальной обуви [Курбатов, 2001; 2002].

Отдельный раздел работы посвящен методическим аспектам изучения кожевенного ремесла. Это направление стало актуальным в 1950–1970-е гг. В работах Ю.П. Зыбина с профессиональных позиций раскрыты технико-технологические приемы обработки кожи в Древней Руси, методы раскроя, пошива и декора изделий X–XVIII вв. Следующий шаг в методике предложила С.А. Изюмова (1959) при обработке археологических материалов Неревского раскопа в Новгороде. Она объективно открыла возможности изучения историко-культурных аспектов древнерусского кожевенного ремесла на массовом археологическом материале [Курбатов, 1991; 2004; Визгалов, Пархимович, Курбатов, 2011].

Методику вербального и графического описания находок в 1960–1970-е годы предложила Е.И. Ояева. Её классификация обуви имела в основе три технологических признака (материал, конструкция, функция) и охватывала все известные виды кроя, способы сшивания и основные виды декора. Эти разработки фактически служили руководством для описания археологических предметов, раскрытия их назначения и определения традиций в производстве. Е.И. Ояева также поставила вопросы об этносоциальных и региональных признаках моделей обуви, их пошива и декора.

В целом, современные взгляды на русское средневековое кожевенное ремесло лежат в русле выводов Б.А. Рыбакова, данных в работе 1948 г. Новые возможности историко-культурного осмысления ремесла появились в последние годы в связи с накоплением нового фактического материала из ширококомасштабных раскопок древнерусских городов. Разработаны новые методы полевой и камеральной обработки массового кожевенного материала, выделены направления, требующие пристального внимания специалистов. Так, дальнейшей унификации потребовала система графического описания кожаных деталей. Основываясь на разработках Е. Ояевой, О. Губитса, М. Милевской, В. Гроенмана-ван Ваатеринге, автор предложил свою систему

графического и вербального описания археологических предметов [Курбатов, 1991; 2004].

Массовый археологический материал требует пересмотра критериев отбора вещей для музейных фондов. В работе обосновано хранение всего комплекса находок, включая обрезки и другие отходы производства. Полевой опыт обработки материалов с момента их обнаружения в культурном слое позволил сформулировать комплекс наиболее рациональных действий.

Суммированы задачи изучения кожевенных мастерских по археологическим материалам. Они содержат информацию о многих аспектах жизнедеятельности городских сообществ:

- о развитии техники и технических знаний, технологической культуре, культурно-технических взаимодействиях с другими странами и регионами;
- об уровне организации ремесла, его сложении как самостоятельного производства и его месте в городском хозяйстве;
- о степени дифференциации ремесел и их специализации в рамках одного центра, региона, области, государства;
- об утилитарных и эстетических нормах и требованиях потребителей к ремесленной продукции;
- о наличии и развитости домашнего (непрофессионального) производства.

Глава 3. Кожевенное сырье.

Здесь рассмотрены виды кожевенного сырья и его заготовка: разделение по времени, способам забоя и возрасту животных, по назначению, по топографии шкуры, отмечены известные пороки шкур и их отбраковка. Также подробно рассмотрены сведения о породах животных, используемых в кожевенном деле. Описаны аспекты выделки кож — названия материала по степени обработки и технология выделки кож [Курбатов, 2004; 2010].

В работе использованы данные визуального определения пород животных по археологическим материалам, а также привлечены все доступные письменные упоминания пород. Основным кожевенным сырьем на Руси были шкуры домашних животных — крупного и мелкого рогатого

скота (КРС и МРС), и значительно реже использовали шкуры лошади и свиньи. Из диких животных, относительно регулярно, выделяли шкуры лосей и оленей, бобра и морских зверей — нерпы, тюленя. Эпизодически в качестве сырья также использовали шкуры медведя и других млекопитающих.

Специализированная выделка кож предполагала плановую заготовку сырья, решаемую двояко: 1) Существовала взаимовыгодная связь кожевников с мясниками в самом городе, куда живой скот поступал на забой «своим ходом»; 2) Городские кожевники и скупщики собирали шкуры в окрестных селах поздней осенью, после массового забоя скота.

Раздел о выделке кож в значительной степени основан на анализе письменных упоминаний шкур и кож в текстах. В древнерусский период кожи разделялись на *деланные* и *неделанные*. С XVI в. известны различные сорта: *кожи сырые, сыромять, мячильные, белые, красные, квашеные, дубленые, тим, хоз, сафьян, пергамен (харатья), паюсные, подошвенные, булгара*.

Глава 4. Техника и технология кожевенного дела.

Формы ремесла у древних славян намечены по имеющемуся кругу источников. Отмечено, что развитие техники и технологии ремесла населения северной половины Европы (Германия, Польша, страны Скандинавии), в разной степени, шло под влиянием наследия восточных и греко-римской цивилизаций, а на Руси — также и культур кочевых народов южнорусских степей.

Технология и техника выделки кож в древности. Сегодня археологический материал позволяет сравнивать способы выделки шкур на римских поселениях, на селищах I до н.э.–IV в. н.э. пшеворской, заруби-нецкой, киевской и черняховской культур, на древних и средневековых поселениях разных народов Евразии и использовать результаты сравнения для реконструкции кожевенного дела у славян. Вероятным способом выделки кож у славян было квашение в кислых хлебных настоях–*квасах*,

отраженное в рассказе о легендарном путешествии апостола Андрея в Новгород в XII в. В восточнославянских племенах практиковалось и дубление древесной корой, на что могли влиять и технические приемы, практикуемые в раннесредневековых обществах северной части Европы. Надо полагать, что выделка кож на сыромять и жировое дубление широко использовались славянами в I тыс.н.э., особенно жителями степной и лесостепной зон. Выделка сыромяти, в основе, имеет длительное разминание кож во время или после золения, что требует недюжинной силы. Легендарные рассказы о древнерусских кожемяках отражены в летописях [Курбатов, 2006].

Реконструкция древних процессов выделки кож на основе исторической ретроспекции учитывает то, что этнографические материалы включают: 1) разновременные технологические инновации в кустарном производстве, в том числе, в XVIII–XIX веках; 2) наличие разных технологических режимов у кустарей отдельных регионов России; 3) невозможность, во многих случаях, уловить специфику технологических режимов выделки по археологическим данным. Кожевник-технолог Г. Поварнин в работе 1912 г. применил методы сравнительно-исторического анализа, учитывая влияние разных факторов на развитие техники выделки кож: особенности географической среды, привнесение тех или иных способов работы, материалов, выбор режимов и другое. В России конца XIX–начала XX в. он отмечал широкий спектр рецептов выделки — от самых примитивных до почти совершенных. Основные различия рецептов состояли в длительности дубления, способах золки, наличии (или отсутствии) *обеззоления* и *обжора*. Древнейший рецепт выделки кож у славян (по Г. Поварнину), сохранявшийся почти неизменным в древнерусских городах до второй половины–конца XIII в., состоял в следующем: 1) операции велись не в чанах, а в другой посуде (глиняной, деревянной, кожаной); 2) золение шло *взаплек*, золой и известью, без *обжора*, в течении 2–3 недель; 3) промывка была короткой (без *обеззоления*) и сопровождалась топтанием; 4)

коротким *дубам* (1–1,5 недели), с использованием корья *в пересып*, не предшествовала *заличка*; 5) отсутствовали крашение и мазка дегтем. Важным этапом в развитии технологии Г. Поварнин считал появление *киселей* — в XIII в. в Верхневолжье, а в XIV в. — и в других регионах [Курбатов, 1997].

Организация ремесла. При решении этого вопроса автор учитывал все упоминания кожевенных мастерских в письменных документах по Пскову, Москве, Мурому, Можайску, Твери, Новгороду, Калуге, Суздалью, Тихвинскому посаду, Ярославлю, Казани, а также изученные археологами мастерские в Новгороде, Пскове, Москве, Твери, Смоленске, Полоцке, Минске, Витебске, Пинске, Слуцке, Берестье, Вологде, Болгаре, Чебоксарах, Рыбинске, Киеве, Старой Ладого.

Анализ письменных источников показывает, что расположение кожевенных мастерских вблизи воды связано, прежде всего, с потребностями выделки кож. Но эти мастерские не обязательно были одновременно и жилыми строениями. Для XVI–XVII вв. определяется наличие особых кожевенных слобод, удаленных от городской застройки. Прежде всего, они появляются в городах, специализированных на выделке кож и пошиве кожаных изделий.

В археологическом контексте разделение мест кожевенных и сапожных мастерских объясняет минимум инструментов и оборудования кожевен, находимый в городах. Это объясняется тем, что в средневековом городе кожевенные мастерские размещались на окраинах, т.е. с учетом санитарных норм жизнедеятельности. Мастерские специалистов по пошиву кожаных изделий, напротив, находились в центре городской застройки, где изба одновременно была местом для жизни семьи, для работы, местом получения заказов и продажи своих изделий [Курбатов, 2004; 2007].

Оборудование и инструментарий, применявшийся в кожевенном деле Руси/ России, в целом, выглядит простым и немногочисленным по составу. Инструментарий и оборудование для выделки кож на *кожевном дворе* были составной частью комплекса производственных мест и построек. В *заводе*

кожевников выделены инструменты (орудия), оборудование мастерских и материалы для выделки кож. Среди инструментов рассмотрены струги и тупики, *крюки* для выделки овчин и сыромяти, *щипцы-емки* для переворачивания и доставания кож из чанов, *гладило*. К приспособлениям относятся емкости для разных операций, *козлы* для строгания и снятия волоса с овчин и шкур, станок для разминания. Среди материалов рассмотрены *корье*, зола, известь, *мел*, деготь, а также красители — минеральные (*вап*, *купорос сапожный*) и растительные (*желтин*, *рета*, *санда*) [Курбатов, 2010].

Среди инструментов для раскроя и пошива изделий отмечены два вида специализированных ножей, шилья, иглы, *басмы*, оселки. Из дополнительных инструментов (приспособлений) рассмотрены деревянные обувные колодки, шаблоны-*лекала*, *ведьма* и *лапа*, напёрстки, сиденье, *кроельницы*, *затягальник*, *фартуки*. К материалам отнесены верви, гвозди, воск, деготь, береста, подковки [Курбатов, 2009].

Техника раскроя и пошива кожаных изделий определяется физическими особенностями материала. Результатом действий был *вырез* — выкройка, заготовка. Бытовали отдельные названия для неполной шкуры, обрезков и кусков кожи — *издирок*, *обдирок*, *огрызок*, *лоскут*, лоскутье, *резь*. Действия по сшиванию кожаных изделий назывались *пошивка*, *раскрой*, *прикраивати*, *исшити*, *пороти*.

Ремесленная специализация. Остается спорным вопрос о причинах и времени разделения специалистов по выделке кож и пошиву кожаных изделий. Ответ на него следует искать для каждого отдельного города, поскольку уровень развития производства в городах сильно различался. Автор считает основной причиной потребность в вынесении «грязного» кожевенного процесса из зоны плотной городской застройки.

Специализация в кожевенном ремесле в XVI–XVII вв., в определенной степени, связана с ключевыми изменениями исторической обстановки. Активизация внутренней и внешней торговли способствовали развитию

специализации отдельных городов и регионов России. Изучение торговли кожевными товарами приводит автора к выводу о значительном влиянии международной торговли на выделку кож в русских городах. Это особенно значимо для начальной стадии возросшего на Западе интереса к *русской коже*. В XV в. Новгород имел наиболее длительную традицию международной торговли и развитое ремесло. Это объясняет большое число кожевников и сапожников, известное здесь на 80-е гг. XVI в. В XVI–XVII вв. развитая специализация кожевников отмечена и в других городах, имевших торговые связи с различными регионами России и странами Запада — Казани, Нижнем Новгороде, Москве, Ярославле, Костроме и Пскове.

В последние годы изучение археологических коллекций из Пскова подтверждают данные письменных источников XVI–XVII вв. о специализации кожевников мастеров. На Васильевском раскопе (1990 г.) отмечена специализация на ремонте и перешиве обуви в последней четверти XV–первой четверти XVI вв. На Петровских VIII и IX раскопах (2007 г.) в мастерской рукавичника рубежа XV/XVI в. короткое время работал и сапожник [Курбатов, 2008; Курбатов, Харлашов, 2004].

В древнерусский период выделка кож и пошив изделий были «домашними занятиями» крестьянина в свободное от полевых работ время. Рост специализации в сельском ремесле XIV–XV вв. связан с его возрастающей ориентацией на рынок. В это время происходит не только разделение кожевников и мастеров по пошиву кожаных изделий в городе, но и выделение ряда специальностей на селе. Выделение сельских кожевников маркирует *тишан кожевничои*, названный в грамоте 1461 г. Но этот единичный источник информации о районе, входящем в наиболее промышленно развитую «землю», нельзя считать свидетельством выделения тогда же ремесленных специалистов во всех русских землях. Писцовые книги второй половины XVI в. уже отмечают сельских ремесленников, оторванных от земледелия — «непашенных крестьян», ранее всего — в селах, принадлежащих крупным землевладельцам.

Тема ремесленного ученичества в средневековой Руси получает новый импульс при выделении в археологическом материале образцов «учебно-тренировочных работ» и новой трактовкой шаблонов. В Древней Руси учениками преимущественно были дети мастеров. В XVI–XVII вв. ученичество выходит за рамки семейной сферы в связи с развитием рыночного характера ремесленного производства, ростом социального динамизма и широкой внутренней миграцией населения [Курбатов, 2003].

Правовое положение ремесленников рассмотрено на фоне переломного момента в истории Новгородской земли. Зависимость тех, которые жили на боярской земле, от её владельцев, была основой противоречий, разрешившихся в первой половине XII в. Кардинальное изменение социального статуса ремесленников, по-видимому, произошло в Новгороде после событий 1136 г., названных Б.Д. Грековым «революцией XII в.». Эти изменения отражают статьи 4 и 6 Новгородского «Устава великого князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых» (1136 г.), содержащие новые положения о закреплении за городом права использовать эталоны торговых мер и весов и передаче жителям полномочий взимать ряд пошлин. Коллекция кожаных изделий XII в. с Рюрикова Городища имеет признаки «технологического взрыва» в ремесле, что связано с расширением работы на свободный рынок. Сходные изменения видны, по археологическим материалам второй половины XII–начала XIII вв., и в других новгородских ремеслах [Курбатов, 2007].

Глава 5. Обувная продукция.

Она посвящена рассмотрению обуви — самой массовой кожевенной продукции. Автор выделил группы повседневной, специализированной и погребальной обуви, изложил хронологические изменения её конструкций, декора, рассмотрел половозрастные градации обуви, сроки и особенности её ношения, а также вторичное использование и утилизацию. Также здесь разбираются признаки износа обуви, связанные с болезнями древних людей и знаки производителей на подошвах.

К повседневной общепотребительной отнесены виды обуви, бытовавшие на территории Руси/России на протяжении длительного времени — поршни, «комнатные» или «рабочие» «туфли», мягкие туфли традиционного покроя, сапоги и башмаки [Курбатов, 2004].

Поршни — это низкая обувь простейшей конструкции, сохранявшаяся в профессиональном производстве только в средневековой Руси/России. На их фоне выделены модели «домашнего» пошива. Поршни разделены на простые, ажурные и обувь позднесредневековую. Представительные коллекции простых поршней изучены в Новгороде, Твери, Берестье. Как вид обыденной обуви, поршни древнерусского облика выходят из употребления в XIV–начале XV вв. Поршни «ажурные» имели декоративное оформление носка рядами поперечных разрезов. Мода на них в разных землях Руси существовала в XIII–первой половине XIV вв. Поршни позднего средневековья отличаются оформлением. В русских городах XV–XVI вв. они были едва ли не единственным видом, кроме сапог. Выделены общие и региональные варианты раскроя, пошива и декора.

«Рабочие туфли» отличает простота конструкции и отсутствие декора. Как особый вид древнерусской обуви они выделены в Твери, Гороще, Полоцке, Берестье, Новгороде, Пскове. Ранний вариант туфель (конец XI–первая половина XII в.) встречен на Рюриковом Городище, а поздний вариант приобрел популярность в XIII–первой половине XIV вв. [Курбатов, 1999; 2004].

Мягкие туфли были основной обувью в древнерусских городах до середины XIV в. В Старой Ладге выделены 9 видов кроя моделей раннего средневековья (вторая половина VIII–X вв.). К этому времени относится и изделие с Рюрикова Городища. Все модели имеют особенности в раскрое, декоре и способах крепления на стопе [Курбатов, 2006; 2008].

Мягкие туфли развитого средневековья разделены на три хронологических группы. В материалах конца XI–первой половины XII вв. на Рюриковом Городище встречена низкая обувь симметричного и асим-

метричного края верха. Наиболее близкие конструкции известны в Белоозере и Полоцке. Туфли конца XII–первой половины XIII вв. рассмотрены на материалах Верхнего Замка Полоцка, где выделено 3 варианта края с симметричным и асимметричным верхом. По крою и декору они наиболее близки изделиям Смоленска и Белоозера. Туфли последней четверти XIII–первой половины XIV вв. изучены в Тверском кремле. Преобладают варианты с асимметричным одночастным краем верха. Выделены серии близких форм («стиль» или манера оформления), за которыми можно видеть отдельного мастера-обувщика [Курбатов, 1999; 2004; 2007].

Башмаки. Такое название обуви в русских городах следует ограничивать временем появления слова в русском языке, т. е. серединой XV в. В работе рассмотрены низкие многочастные модели XVI–XVII вв. из Ивангорода, Мангазеи, Пустозерска. Ивангородская коллекция 1990 г. из заполнения рва? конца XVI–первой половины XVII вв. имеет в основе детали низкой обуви 2-х конструкций. В **первой** использован выворотный метод соединения верха и подошвы швом «в подтай». **Вторая** конструкция, доминирующая в коллекции, является развитием рантовых моделей. Башмаки из Мангазеи относятся к первой половине XVII в. Их отличает большое число деталей, сложность раскроя и сборки. Фасоны обуви различаются по форме, высоте и ширине каблуков [Курбатов, Овсянников, 1999; Курбатов, 1995; 2010]. Декор башмаков разнообразен. По размерам башмаки были женской обувью–*котами*.

Региональным видом позднесредневековых башмаков русского населения Сибири можно назвать *уледи*, изученные в Мангазее. В их конструкции использована толстая широкая подошва, без каблука или подпяточных подкладок. В большинстве моделей использован однодетальный крой верха, с суконной обшивкой по верхнему краю [Курбатов, 2010].

В древнерусских городах встречены сапоги трех конструкций, различаемые по виду соединения верха и подошвы (основной шов). Они отражают три хронологических этапа развития формы обуви.

Ранняя форма — это мягкие сапоги с выворотным/ тачным основным швом, без внутренних элементов. Они найдены в Новгороде, Пскове, Смоленске, Полоцке, Торжке, Торопце, Берестье. В Твери такие сапоги бытовали, наряду с иной «мягкой» обувью, в XIII–первой половине XIV вв. [Курбатов, 1999; 2004].

Сапоги с «сандальным» (простым наружным) швом преобладали в XIV–XV вв. Они имели: — подошву из 2-3-х слоев тонкой кожи, со сквозными вертикальными отверстиями основного соединения; — головки и задники стандартной формы, нередко усиленные внутренними деталями; — голенище со скосом назад, без обшивки верхнего края; — для предохранения от истирания на пятку подошвы иногда набивались железные гвозди с широкой шляпкой. Фасоны выражены в форме подошв и полноте обуви [Курбатов, 2004].

Сапоги «жесткой» конструкции имели основной шов «в подтай» на внутренней стороне подошвы, а также стандартный набор внутренних деталей. Ранние образцы фиксируются в слоях в слоях середины-второй половины XIV в., но массовыми они стали уже в XV в. Находки этого времени есть в Пскове, Переяславле Рязанском, Новгороде и Москве. К концу XV в. получили развитие рациональные формы края и методы сборки, с отчетливым различием материала для подошвы и верха.

Кратковременной «модой» в последней четверти XV в. были сапоги с вытянутым вперед узким носком, конструктивно не обоснованным. Они встречены в Гдове, Чернигове, Новгороде, Яме, Пскове, Твери. Это была реплика на обувь с заостренным «клювовидным» носком, модные в Западной Европе в XIV–XV вв. [Курбатов, 2004].

Развитая форма сапог «жесткой» конструкции представлена в коллекциях конца XV–первой половины XVI вв. из Ивангорода и Пскова.

Головки имеют характерное поперечное тиснение — функциональный элемент для изгиба и гофрирования носка, предотвращающий появление на подъеме глубокой складки. На пятку подошвы из толстой и жесткой кожи изнутри прибивались 3–4 подпяточные подкладки. На голенищах внизу встречены декоративные зубчатые вырезы и симметричные парные круглые вырезы (18–25 мм) — по верху. Кроме декоративного эффекта вырезы помогали натягивать сапоги на голень. Редкие экземпляры расшивки цветной нитью встречены на голенищах и головках сапог в Ивангороде, московском Зарядье, Новгороде, Казани [Курбатов, 1991; 2004; 2005; 2006; 2008].

Специализированная обувь. К ней отнесены лапти, обувь для сельхозработ. Скупые упоминания письменных источников о возможном существовании в средневековой Руси обуви из растительного волокна, получили в отечественной историографии социальный подтекст. Лапти считали обувью беднейших слоев населения, в основном сельского. Комплексный анализ источников показал, что широкое употребление плетеной обуви началось только в XVI в. Усиление фискальных функций Московского государства привело к обнищанию податной части населения и лыковая обувь в качестве повседневной стала более экономичной. Но лапти оставались обувью, удобной для полевых и надворных работ в сухое время года [Курбатов, 2001].

Письменные источники XVI–XVII вв. отмечают бытование специальной обуви для рыбаков и моряков — это *долгари, пришитки, баламутные и ловчие сапоги, широкие сапоги-хайлы* [Курбатов, 2009; 2010].

В городах северо-запада России найдена обувь, сопоставимая по покрою, манере шивания и орнаментации с изделиями аборигенов Севера, хорошо изученной по этнографическим материалам и археологическим раскопкам последнего времени в Мангазее, Пустозерске, Старотуруханске. Эти модели показывают на присутствие на северо-западе в XVI–XVII вв. русских насельников или аборигенов Русского Севера и Западной Сибири [Курбатов, 2006; 2010].

Валяная обувь долго не привлекала внимания археологов, поскольку в средневековых слоях она была неизвестна. Слово *валенки* впервые отметил Словарь Академии Российской 1789 г., но ранее войлочную обувь называли иначе — *пимы*, *волосяники*. Раннее упоминание войлочной обуви встречено в приходно-расходной книге Антониева монастыря за 1589 г. — «сапоги обшитки войлочныс». Больше разнообразие валяной обуви существовало в Сибири. Можно считать, что при освоении северных областей русские познакомились с новыми типами кожаной и меховой обуви. Из известного им теплого плотного материала — войлока они начали шить обувь, используя свои технические и бытовые традиции [Курбатов, 2005; 2006].

Погребальная обувь. Кожаную обувь из средневековых погребений можно рассматривать как показатель внедрения в широкие народные массы норм православного религиозного сознания. Археологические находки в погребениях XI–XV вв. из разных земель Руси показывают только обиходную обувь, сходную с изделиями из культурных слоев древнерусских городов. Принципиально иной материал дают некрополи XVI–XVII вв., показывая сложные обычаи подготовки особой «покойницкой» обуви. Она найдена в Новгороде, Пскове, Твери, Антониево-Дымском монастыре [Курбатов, 2002; Курбатов, Ершова, 1998; Курбатов, Григорьев, 2002].

Письменные источники XVI–XVII вв. отмечают половозрастную градацию обуви — мужские, женские, подростковые и детские башмаки и сапоги. Археологические находки показывают, что деление отражает только размер, но не конструкцию. Массовые археологические находки обуви в Твери и Мангазее дают возможность объективного подсчета разных возрастных групп населения [Курбатов, 2004; 2010; Визгалов, Пархимович, Курбатов, 2011].

Особенности ношения обуви в средневековой России. Письменные источники содержат названия тканых и вязаных покрытий ступни и голени — *гащи*, *колоши*, *паголенки*, *прикопытки*, *гамаши*, *чулки-копытца*, *ногавици*, *онучи*. Слово *чулок*, заимствованное из тюркских языков, известно

с XVI в. Так называли и суконные *обертки* и сафьянную мягкую обувь типа *ичетыг*. В археологических материалах имеются шерстяные носки, войлочные и кожаные стельки. В качестве стелек также использовали прокладки из травы и соломы.

Сроки ношения обуви. Записи в расходных документах монастырей и крупных светских хозяйств показывают выдачу работникам ежегодно не менее одной пары обуви. Известная жалоба солдат в 1713 г., что за 9 месяцев их обувь пришла в ветхость, позволяет полагать, что срок службы солдатских башмаков составлял 6 месяцев. Но современной оценке, в зависимости от климатической зоны и вида дубления, износ кожаных подошв составляет 200–270 дней.

Болезни древних людей. Медицинские аспекты изучения особенностей износа древней обуви связаны с выявлением физических поражений разных отделов скелета, передающиеся на стопу. Специфические формы стертости тверских подошв предполагают заболевания ног, вызванные органическими поражениями и деформацией костей стопы — это опускание поперечного свода, отклонение большого пальца и молоткообразные пальцы [Курбатов, 2004].

Знаки производителей на обуви. До последнего времени знаки мастеров на обуви были известны только в собраниях российских музеев XVIII–XIX вв. Сегодня известны клейма на археологической обуви XVII–XVIII вв. в Москве, Пскове, Старой Ладогe, Выборге, Мангазее, Твери [Курбатов, 2008; 2010].

Глава 6. Кожаные изделия различного назначения.

Здесь рассмотрено всё многообразие археологически определимых изделий из кожи, среди них — детали одежды и аксессуары: поясные ремни, наплечники, фартуки, рукавицы-голицы, застежки, пуговицы. Поясные ремни разделяются на обиходные и «монашеские». Первые имеют определенный стандарт ширины (2–4 см), металлические пряжки, прошивку по краям и середине растительной нитью, украшение ремня металлическими

накладками. Такие ремни выделены в Твери, Новгороде, Чернигове. «Монашеские пояса» (XII–вторая половина XV/XVI вв.) найдены в культурном слое и некрополях в Переяславле Залесском, Киеве, Новгороде, Смоленске, Твери, Москве. Не имеющие металлических пряжек и накладок, они несут тисненые клейма с двенадцатыми праздниками, крестами и розетками [Курбатов, 2009].

Кожаные передники и фартуки известны по письменным источникам с XVII в., это — *завес*, *завеска*, *каптуръ*, *запон*, *передовик*, *перепряд*. Их использовали при работе многие ремесленники и промысловики — рыбаки, мясники, кузнецы, сапожники и кожевники. Фартуки выделены в археологических материалах Твери, Новгорода и Пскова [Курбатов, 2009; 2011].

В документах отмечены рукавицы, отличные по материалу и манере изготовления — *вареги*, *верхницы*, *голицы*, *перстатые* и другие. В крое основное различие существует между просто рукавицами и *перстатыми*, т.е. перчатками. Детали рукавиц в раскопках, после обуви, являются самой многочисленной группой кожаных предметов. По манере раскроя и сшивания выделено 2 основных варианта. Первый вариант включает изделия из двух половин, у которых большой палец выкраивался на боковом обрезе детали для тыльной стороны (Тверь, XIII–XIV вв.). Разновидностью их были рукавицы, у которых ладонная деталь кроилась из двух частей, на каждой из которых был выступ для большого пальца. Второй вариант имеет овальный разрез для большого пальца в середине ладонной детали. В него вшивалась отдельная деталь для покрытия большого пальца. Перчатки также были известны на Руси, но широкого распространения не получили. Достоверные перчатки найдены на Земляном Городище в Старой Ладого в слоях второй половины XVI в., а заготовка «для перчатки» — в комплексе первой половины XVII в. из Московского кремля [Курбатов, 2004; 2010].

Кожаные *ременные пугвицы* иногда упоминаются в описаниях русских одежд XVI–XVII вв. Единственные на сегодня 4 кожаные пугвицы XIII–XIV

вв. отмечены в Твери. Можно считать, что кожаные пуговицы не имели широкого использования, а встреченные детали имели западное происхождение.

В средневековой бытовой культуре встречены разные виды кожаных застежек. Многочисленная группа этих предметов найдена в Твери. Одни из них служили для крепления пряжек, другие же могли пропускаться сквозь прорезы на деталях (сумок и т.п.), без фиксации пряжками или узлами. Третьи использовали с пуговицами на одежде, обуви и бытовых изделиях, это ремни разной формы и длины с прорезами для продевания пуговиц. Имеются и застежки в виде узких ремешков со следами крепления коренного конца. Использование кожаных завязок также было разнообразным [Курбатов, 2004].

Разнообразные кожаные изделия выделены в категорию вместилищ для содержания, переноски и хранения вещей. Большая группа вместилищ использовалась для режущих орудий и оружия. Наиболее часто в раскопках встречаются чехлы для ножей. Конструктивно чехлы разделены по признаку бокового или срединного шва. Чехлы с боковым швом (**первый вид**) имели особое крепление на поясе. На многих изделиях выкраивалось боковое расширение сверху, с прорезями для ремешка. Новгородские чехлы с боковым швом в XI–третьей четверти XII вв. имели широкий выступ, а половина — декор. В последней четверти XII–первой четверти XIV вв. на изделиях уменьшается длина бокового выступа. Доля декорированных изделий сокращается, но орнамент становится разнообразнее. В XIII в. появились ножны с маленьким выступом — ушком, имевшим одно отверстие.

Чехлы со срединным швом (**второй вид**) имели ряд вертикальных прорезей по сторонам шва, в которые продевался кожаный ремешок для подвешивания. В Новгороде чехлы обоих видов встречены в слоях XI–XV вв. В слоях XI–XIII вв. преобладают чехлы первого вида, а со второй четверти XIV в. начинают преобладать изделия второго вида. Развитие формы чехлов

в древнерусских городах, в целом, соответствует новгородской периодизации. В комплексах XV–XVII вв. форма чехлов для ножей существенно не изменилась, но декор стал разнообразнее по стилю и технике нанесения [Курбатов, 2004].

Чехлы для хранения и перевозки оружия редко отмечены среди археологических находок. Их назначение определяют особая форма, способы крепления и следы стертости. Два футляра для топора (*натопорники*) найдены в Новгороде, в слоях середины XV в., один — в комплексе конца XVI–начала XVII вв. из Ивангорода и один – в Москве, в слоях конца XVII–первой половины XVIII вв. Чехлы для крепления копий (сулиц?) к седлу в письменных источниках не отмечены, но один предполагаемый предмет такого рода встречен на раскопе 1985 г. в Тверском кремле [Курбатов, 1995; 2006].

Остатки колчанов, налучей, саадаков, с железными крючками и петлями, преимущественно встречаются в погребениях, хотя сохраняется в основном берестяная основа и металлические детали. Детали кожаных колчанов найдены на Райковецком городище, Ново-Торговом IV раскопе в Пскове и Ярославовом Дворище в Новгороде. Кожаное налучье длиной 51 см найдено в Мангазее [Курбатов, 2010].

Чехлы для мечей и сабель, с деревянным каркасом, обтянутым кожей, найдены на Неревском раскопе в Новгороде, в слоях XI–XIII вв. Фрагмент чехла, со следами вышивки или аппликации, отмечен среди новгородских находок XIV–XV вв. и в комплексе шведского времени из Ивангорода [Курбатов, 1995].

Чехлы для пистолетов (*ольстра*, *кобура*, *нагалище*) найдены в Москве (слои XVII–XVIII вв.) и Ивангороде (слой конца XVI–первой половины XVII вв.) [Курбатов, 1995].

Для бытовых предметов личного пользования существовали вместилища для ножниц, гребней, писал, ложек и компаса. Чехлы для ножниц редки: один предмет найден в Полоцке (слой конца XII–первой

половины XIII вв.) и 2 — на Троицком раскопе в Новгороде (слои второй половины XIII–первой половины XIV вв.). Чехлы для гребней имеют вид плоских прямоугольных «кошельков» с клапаном. Они найдены также в Новгороде Твери, Пскове, Полоцке, Торопце, Берестье, Ивангороде. Чехлы для *писал* найдены только в Новгороде, в слоях XIII–XV вв. (5 предметов). Чехлы для ложек (*ложечник*, *лжично*) в Новгороде и Твери известны в слоях XIII–XIV вв. Такие предметы, с клапанами, встречены и в казацких захоронениях XVI–XVIII вв. Футляры компасов найдены только в Мангазее и, видимо, были изготовлены в Западной Европе [Курбатов, 1995; 1999].

К кошелькам отнесены вместилища для хранения торгового инвентаря и денег. Единым признаком изделий, разных по форме и конструкции, служит закрывающийся верх — при помощи клапана, стягивающего устье ремешка или металлического замка. Выделены группы: 1) кошелек-«мешочек» — небольшое вместилище в форме мешочка, с раскройкой в форме неправильного круга, со стягиваемым устьем; 2) кошелек-кисет, в сложенном виде имел геометрически правильную форму мешочка, высота которого превышает ширину по основанию; 3) лировидные кошельки — каплевидные вместилища разной конструкции с узкой горловиной и высоким расширяющимся устьем, включали металлические и костяные детали (Новгород, Полоцк, Тверь, представлены в Западной Европе); 4) кошелек-*мошна* — по форме напоминает плоскую сумочку или современные портмоне, у которых ширина значительно превосходит высоту, с одним отделением и клапаном; 5) кошелек-*карман*, он нашивался на внутреннюю или внешнюю сторону одежды (Новгород, Тверь, Берестье); 6) кошелек-*калита*, это сравнительно крупные сумки с клапаном, с одним или несколькими отделениями, носимые на поясе (Новгород, Тверь, Чернигов, Москва, Витебск).

В отдельную группу выделены амулеты и обереги из кожи, среди которых есть христианские атрибуты из монашеских погребений — плетеные кожаные крестики и параманды. Самые ранние находки

датируются XII в., а наиболее поздние — XVI–началом XVII вв. Плетеные крестики встречены в Киеве, Смоленске, Минске, Новгороде, Старой Рязани, Кашине и Москве.

Большую группу составляют кожаные изделия различного назначения, на сегодня определенно известные только по письменным источникам. Среди них предметы воинской экипировки и охотничьего снаряжения, в т.ч. ловчих птиц, части мебели и обстановки жилищ, детали ремесленного оборудования.

Письменные источники отмечают покрытие различных изделий кожей. Это — переплеты книг, покрытия карет и возков, различных ящиков, погребцов, сундуков, а также посуды. В кожу паковали перевозимые товары и скарб. Изделия из мягких материалов часто обшивали кожей по краям для усиления механической прочности, предохранения от истирания, придания большей жесткости и способности удерживать форму.

Отдельную группу составляют детали конского снаряжения и оснащения. Их можно разделить на: 1) предметы для содержания лошадей, 2) снаряжение верховых лошадей, 3) снаряжение упряжных лошадей. В археологических материалах выделены только отдельные детали — обшивка от хомута, шор, шлея, подпруга, плеть.

Письменные источники отмечали наперстки-напалки как приспособления для защиты пальцев при работе иглой у портных и сапожников, а также для защиты большого пальца правой руки при стрельбе из лука. Первые впервые описаны в материалах Тверского кремля последней четверти XIII–первой половины XV вв. и затем выделены в других городах. Вторые также могли делать из кожи, судя по находке на Неревском раскопе в Новгороде «пластинки с псевдотисненным чешуйчатым орнаментом».

В группу игровых предметов включены мячи, маски и некоторые уникальные находки — основы для пращи, кожаные «очки», «козюля». При раскопках в Новгороде найдено несколько сотен деталей и целых мячей. Реконструированы три варианта раскроя. **Первый вариант** сшивался из 3-х деталей — двух круглых «донцов» и полосы между ними (Псков, Берестье,

Тверь, Старая Ладога, Полоцк, Новгород, Старая Русса, Москва, Минск). Мячи **второго варианта** сшивали из 4-х одинаковых кусков кожи каплевидной формы. Диаметр мячей (от 2 до 15 см) предполагает их использование в разных играх. **Третий вариант** раскроя включает 4 детали в форме сегмента шара. Последние, видимо, были наиболее популярны в Средние века.

Древнерусские маски (*лицо, личина, лярва, обличье*) вероятно, были частью маскарадного костюма Святочных игр. Они известны в атрибутике скomoroxов XVII в. и представлены в археологических материалах XII–XIV вв. Самая большая коллекция кожаных масок (13 предметов) собрана в Новгороде, два предмета найдены в Твери и один — во Владимире-на-Клязьме. По внешнему виду маски делятся на зооморфные, антропоморфные и комбинированные.

Группа дополнительных деталей объединяет археологические находки разной сферы применения. Нашивки и аппликации — куски кожи относительно простой формы, или декоративно вырезанные, служили только для украшения изделий. Большинство аппликаций найдены в Новгороде. Самые ранние происходят из комплекса первой половины XII в. на Рюриковом городище. Подобные детали найдены также в Берестье, Твери, Мангазее, Ивангороде.

Группу однотипных находок составляют круглые прокладки-шайбы с отверстием в центре. В этнографических материалах им соответствует *гонок* — кусочек кожи с отверстием, куда вставляли веретено. В Твери зафиксировано 22 предмета, 27 заготовок и 15 негативов от вырезанных прокладок. Существенное различие в размерах предполагает их использование для разных целей. Шайбы отмечены также в Витебске, Ивангороде и западноевропейских городах — Свендборге и Виборге (Дания), Беверли (Англия).

Ремни, узлы и петли. Кожаные ремни (*дяг, кзень, поцетка, тасма*) широко применялись для связывания, скрепления, соединения разных

предметов, например, *ремни сенопаятные* — для крепления сена на возу, *паска* — перевязь, ремешок для прикрепления сабли, *путы* и *паворозы* — петли на рукояти оружия. Археологический комплекс этих предметов описан в Твери, он включал около 200 узлов, сохранившихся отдельно или на изделиях, 2 вида петель, плетеные детали и завязки без узлов. Узлы разделены на группы по способу вязки, местонахождению и вероятному употреблению. Различаются узлы для утолщения ремешка, для связывания двух концов, затягивающиеся и незатягивающиеся (петли) и другие. Узлы также описаны в коллекциях Ивангорода и Полоцка.

О плетеных ремешках имеется больше сведений в документах XVI–XVII вв., а в средневековых слоях они отмечены в Твери и Ивангороде. Плетенка в искусстве средневековой Европы — явление повсеместное. Она часто встречается в оформлении книг и на изделиях прикладного искусства.

Заплаты и усилительные накладки также находят в древнерусских городах, но они не привлекают внимание исследователей. В Твери встречены 32 накладные и вшивные заплаты. Форма и размеры заплат индивидуальные, подобранные для каждого конкретного случая использования. Заплаты могут сочетать и функции усилительных накладок.

Конструкция, стиль и мода. Мнение о длительности бытования в русских городах идентичных видов и форм кожаных изделий в настоящее время требует пересмотра. Прежде всего это относится к формам обуви, производство которой служит квинтэссенцией технических достижений в кожевенном ремесле. Если удастся предельно «сузить» временные рамки формирования отдельных археологических комплексов исходя из контекста и конкретно-исторической ситуации, то прослеживается тенденция к изменению формы, техники пошива и декора изделий в рамках 2-х поколений (40–50 лет). Можно также различать длительные стилевые направления и собственно «моду».

Раннеславянская обувь, вероятно, развивалась в русле основных тенденций, прослеженных в северной половине Европы для бронзового и

железного веков и отражает стадильность развития костюма в родовых обществах. Тенденция изменения раннесредневековых стилей обуви и техники кожевенного ремесла в VIII–X вв. в Северной Европе, связана со спецификой культурных процессов этого региона. Здесь выделены три линии развития конструкций обуви. Качественный «скачок» в организации кожевенного ремесла Северной Руси, определяющий переход от раннесредневековой формы к развитому средневековью, прослежен в материалах первой половине XII в. с Рюрикова Городища. Найденные здесь формы низкой мягкой обуви (туфли), вариативно изменяются в русских городах XI–XIII вв. Новые обувные конструкции встречены в комплексах второй половины XII–первой половины XIII вв., что описано по материалам Полоцка, это — сапоги 2-х вариантов кроя, туфли 3-х вариантов, поршни и «рабочие туфли». В древнерусском обувном ремесле XIII в. был периодом расцвета расшивной низкой обуви туфель. Для этого времени отмечена мода на «ажурные» поршни. В целом, в XIII в. происходили коренные изменения видов, конструкции и стилей обуви. С середины XIII в. в русских городах начинают постепенно входить «в моду» формы высокой «глухой» обуви — сапоги, вытесняющие низкие туфли. С этого времени наблюдается постепенное качественное улучшение кожевенного товара, связанное с развитием технологии выделки кож [Курбатов, 2004].

Последняя четверть XV в. отмечена привнесением в русские города моды Ренессанса. В комплексах этого времени отмечены сапоги «с клювовидным носком», модные в некоторых странах Европы. В русских городах эта мода, видимо, ранее всего должна была проявиться в Новгороде, Пскове и Москве, куда приезжали и где проживали многие иностранцы. Западная мода быстро сменяется другой — с заостренными, сильно вытянутыми по подошве носками, но загнутыми вверх и подшитыми к вырезу головки. Ее можно считать переработкой западной моды в русских городах на рубеже XV–XVI в., где она бытовала до середины XVI в. и даже позднее [Курбатов, 2004].

Декоративная отделка кожаных предметов рассматривается как одно из проявлений изменений конструкций и стилей обуви, а также других изделий. Отмечены признаки заимствования способов декора у западных и восточных соседей средневековой Руси [Курбатов, 2006].

Региональные и этнические признаки кожаных изделий. О появлении в русских городах кожаных изделий иноземного производства свидетельствуют разные источники. Массовые находки стандартизованных кожаных изделий в русских городах, признаваемые продукцией местных мастеров, позволяют выявлять единичные изделия неместного пошива. Признаками инородной продукции служат сырье, конструкция, декор, особенности использования вещей. Такие вещи отмечены в Новгороде и Твери. Изучение археологических коллекций из городов соседних с Русью регионов — Выборга и Таллинна позволяет видеть древнерусские изделия на фоне «иноземной» продукции. Значительно сложнее выделить свидетельства межрегионального обмена в Древней Руси. Для некоторых групп редких кожаных предметов, их местное производство устанавливается по негативам от раскопа в комплексах кожевенных мастерских. К региональным признакам можно относить и стилистику декора. Показательны также изделия, пошитые для иных климатических условий. Так, в городах северо-запада России выделены формы обуви северных народов, входящих в сферу политического влияния России.

Выявление в русских городах изделий западного ремесла ставит и вопрос о русских изделиях в западных городах. В средневековой Риге, Кокнесе и Вильнюсе такими надо считать профессионально пошитые простые и «ажурные» поршни, а также мягкие туфли с расшивкой.

Торговля кожевенными товарами непосредственно связана с уровнем развития техники и технологии ремесла в различных регионах. Достоверных источников о торговле «русскими кожами» до XV в. нет. Структура русского экспорта изменялась в конце XV–первой половине XVI вв., когда на первый план стали выходить кожа, сало, ворвань, лен, пенька и поташ.

Совершенствование технологии выделки кож, прежде всего, в Новгороде, Пскове, Твери и других центрах, привело к расширению спроса на «русские кожи» в Западной Европе и странах Востока. Наиболее интенсивно развивается выделка кож в городах, имевших налаженные межрегиональные торговые связи. Потребность некоторых европейских стран (Германия, Швеция) в прочной и долговечной «русской коже» отчасти связана с созданием национальных армий и полосой затяжных войн в Европе [Курбатов, 2008].

Глава 7 (вместо Заключения). Общий взгляд на древнерусское кожевенное ремесло.

В отечественной историографии развитие древнерусского ремесла представляется как процесс постепенного, внутреннего совершенствования технологии и техники обработки материалов. Причиной и движущей силой изменений признаются потребности населения и технические возможности производства. Углубленное изучение отдельных производств и технологические анализы древних изделий выявляют инновации, пришедшие на Русь из разных регионов Европы и Азии.

О понятии упадка древнерусского ремесла в XIII в. Пересмотр ранних оценок культурно-исторических процессов в русских землях в XIII веке отмечается в работах последнего времени. В советской науке доминировала традиция негативного отношения к монголо-татарскому завоеванию Руси. Изучение ремесла в древнем Новгороде и других городах привело Б.А. Колчина к выводу о кратковременной приостановке его развития, хотя «технический строй ремесла, культуру труда монголы разрушить не могли, все эти навыки оставались в народе».

Вопрос о восточных влияниях в русском кожевенном ремесле рассмотрен на массовых группах бытовых изделий в разных городах, в значительной степени стандартизованных. В кожевенном ремесле это, прежде всего, обувная продукция, наиболее представительная и сложная в изготовлении. В материалах конца XIII–XIV вв. встречаются изделия, форма

и декор которых имели восточное происхождение. Влияние восточного кожевенного ремесла находит отражение и в русском языке [Курбатов, 1994].

Изучение археологических материалов убеждает в том, что и после 1238–1240 гг. культурный обмен древнерусских городов со странами Востока и Запада продолжался. На Русь продолжали поступать византийская поливная керамика, люстровые фаянсы из Ирана и Сирии, парадные формы посуды из Средней Азии и Китая. Приводя примеры двусторонних связей Руси и Орды в XIII–XIV вв. историки отмечают не только появление материальных предметов восточного происхождения, но и наличие в русских городах контингента выходцев из Орды, особенно знати — вместе с их окружением, в том числе и ремесленниками.

Сравнительное развитие кожевенного ремесла в Западной и Восточной Европе рассмотрено на примере ряда городов лесной полосы России и стран Скандинавии, с учетом изделий кожевенного ремесла стран Прибалтики и Польши. Это позволило оценить уровень включения древнерусского ремесла в культурное пространство европейских сообществ [Курбатов, 2005].

Объективная культурно-историческая оценка кожевенного ремесла строится на группах массовых унифицированных изделий. Выделение особенностей древнерусского ремесла требует сравнения крупных коллекций из городов Западной и Восточной Европы. К настоящему времени накоплен опыт обработки массового кожевенного материала ряда городов Древней Руси. Опираясь на эти комплексы намечены этапы развития древнерусского кожевенного ремесла [Курбатов, 2004; 2008].

Первый этап (VIII–X вв.) охватывает раннесредневековый период. Это время становления городского кожевенного производства, когда проходили отбор технологические принципы ремесленного производства, наиболее рациональные технические операции раскроя, пошива и декора изделий. Тогда же закладывались основы специфики древнерусского кожевенного-обувного ремесла. Данный период прослеживается по находкам в Старой Ладогe и на Рюриковом Городище. Все формы ладожской обуви

находят аналогии в европейских памятниках определенного региона: в погребении Осеберга, на поселениях Хедебю, Дорестад, Елисенхоф, Волин, Рибе, Гросс Раден, Бирка, Миддельбург, Ведельспан Мозе, Йорк. Многообразие моделей обуви VIII–X вв. в регионах северной половины Европы развивается на фоне общей тенденции отбора перспективных элементов конструкций, приемов раскроя и пошива, совершенствования удачных моделей и фасонов обуви. Выработка своеобразных форм рациональной и удобной обуви связана с климатическими различиями регионов, традициями населения, назначением обуви и другими факторами. Интенсивный культурный обмен в последней четверти I тыс. н. э. в ареале Балтики вёл к сложению единых конструктивных и стилистических черт обуви. При этом, в каждом раннегородском центре сохранялось многообразие моделей. Надо полагать, что формирование в этих центрах постоянного рынка сбыта обувной продукции было фактором, повлиявшим на технологичность производства, в частности, на стандартизацию и унификацию моделей.

Материалы Поволжья отражают качественные изменения кроя и моделировки обуви в первой половине X в. Они указывают на то, что около середины X в. в Северной Руси складывается профессиональное средневековое кожевенное ремесло. Для этого времени имеются унифицированные формы обуви, пошитые с использованием устойчивых приемов кроя, сшивания и декора, имеющие черты своеобразия.

Второй этап (XI–XIII вв.) охватывает древнерусский период. В городах были повсеместны мастерские профессиональных кожевников и сапожников, использующих выработанные универсальные технологические приемы. Они шили, сходные для большинства городов Руси, формы и виды кожаных изделий, в первую очередь обувь — поршни, низкие туфли, полусапожки, сапоги и «комнатные туфли». К особенностям обувного ремесла надо относить: использование тонкой кожи для всех видов изделий, неразвитость внутренних элементов в конструкциях обуви, значительное

внимание к декору обуви, подчас в ущерб практичности. Технология выделки кожи ещё не достигла высокого уровня. Низкая обувь (туфли и поршни) распространена повсеместно и преобладала во всех городах, хотя в некоторых (Новгород) отмечено доминирование сапог к концу этапа. Исследователи неоднократно отмечали, что в большинстве древнерусских городов найден единый набор обувных конструкций, фасонов, приемов раскроя и пошива, видов декора. Так, в раскрое туфель преобладал цельнокроенный асимметричный верх, а из видов крепления обуви — оборы, продетые сквозь ряд прорезов на уровне лодыжки. В декоре доминирует расшивка цветными нитями и «продёржка» из кожаных ремешков, а для мелких изделий (чехлы, кошельки) встречается прошивка металлической нитью. В крое туфель есть общие черты с западноевропейскими моделями. Параллельно с обувью шло изменение других видов кожаной продукции.

Расширение географии изученных коллекций кожаных изделий позволяет сформулировать основные черты древнерусского обувного ремесла. Это: 1) Закрепление в профессиональной сфере простейших форм обуви — поршней, в т. ч. ажурных; 2) Длительное сохранение моделей с удлиненной вытянутой пяткой подошвы, вшитой в соответствующий разрез верха; 3) Длительное сохранение расшивки, как основного и повсеместного вида декора.

Третий этап (XIV–первая половина XVI вв.) отмечает эпоха развитого средневековья, когда полностью раскрылось своеобразие кожаного ремесла в русских городах. Совершенствуется технология выделки кожи, расширяется сортамент кож разного качества и назначения. Развитие технологии выделки, в частности, выражено в распространении техники *киселевания*, выработке разных режимов золения и дубления.

В XIII–первой половине XIV вв. в русских городах отмечен расцвет обувного дела. Он выражен в разнообразии фасонов мягкой низкой обуви и её декора. В это время были популярны «ажурные» поршни и туфли с

разнообразной нитяной расшивкой. На различных бытовых кожаных изделиях встречены расшивка, аппликация, вырезной орнамент.

Технологические изменения выделки кожи, использование для обувных подошв более толстой и прочной кожи, привели к изменению техники раскроя и пошива. Восточное влияние проявилось в «моде» на сапоги, ставшие доминирующими в XV в., и модифицированные в т. н. «жесткую конструкцию».

С учетом влагонепроницаемости и удобства ношения изменяется декор обуви. На смену прорезному и прошивному орнаментам приходят тиснение и линование поверхности, а также набивка мелких бронзовых гвоздей и обшивка голенища цветной тканью (кожей?). Расшивка присутствует на отдельных моделях, которые можно относить к традиции изделий Ордынского Поволжья.

В обувной моде последней четверти XV в. отмечено влияние стилей Западной Европы. В русских конструкциях рубежа XV–XVI вв. «западная мода» получает самостоятельное видоизменение.

В целом, в XIV–первой половине XVI вв. в русских городах сложились высокопрофессиональные кожевенное и сапожное производства, отличные от аналогичных ремесел в странах Западной Европы. Различия ярко проявились в технологии выделки кожи и в сложении специфичных форм обуви. В странах Западной Европы в это время возник интерес к продукции русских кожевников и появились особые названия «русская кожа» и «юфть».

Четвертый этап (вторая половина XVI–XVII вв.) связан с усиливающимся влиянием на русское кожевенное ремесло западной техники, технологии и моды. В это время начинается выделка новых сортов кож (сафьян), крашение кож, использование в декоре тиснения и просечного вырезного орнамента, нанесенного специальными штампами. Меняется техника раскроя и пошива обуви: наряду с сапогами появляются туфли и башмаки жесткой конструкции на каблуках. Расширился ассортимент

кожаных изделий. Появилась обувь из древесно-волокнистых материалов и войлока.

Изменения в русском кожевенно-обувном производстве во второй половине XVI в. связаны с усилившимся проникновением в русскую среду носителей западной культуры, в том числе мастеров, бывших проводниками западных ремесленных традиций. Смена обувных конструкций фиксирует своего рода «европеизацию» ремесла. В русских городах появляются модели и фасоны низкой обуви на каблуках. Она не только попадает сюда с носителями, но начинает производиться на месте. Это позволяет считать, что своего рода «европеизация» России началась задолго до реформ Петра Великого.

По теме диссертации опубликованы:

Монографии:

1. *Курбатов А.В.* Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. (по материалам раскопок Тверского кремля 1993–1997 гг.) /А.В. Курбатов. — СПб.: Изд-во «Петербургское Востоковедение», 2004. — (40 п.л.)
2. *Курбатов А.В.* Мангазея: кожаные изделия (материалы 2001–2007 гг.) /Л.П. Визгалов, С.Г. Паримович С.Г., А.В. Курбатов. — Екатеринбург: Изд-во АМТ, 2011. — (25,1 п.л.)

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК:

3. *Курбатов А.В.* Коллекция кожаных предметов из Ивангорода (по раскопкам 1980–1986 гг.) /А.В. Курбатов // Краткие сообщения института археологии. — Вып. 205. — М., 1991. — С. 71–77.
4. *Курбатов А.В.* Рец.: F.Grew & de Neergaard, 1988. Shoes and pattens // Medieval finds from excavations in London: 2. London /А.В. Курбатов // Российская археология. — 1992. — № 4. — С. 220–224.
5. *Курбатов А.В.* Рец.: Medemblik and Monnikendam: Aspects of medieval urbanization in Northern Holland /А.В. Курбатов // Cingula, 11. Amsterdam. 1989. // Российская археология. — 1994. — № 1. — С. 225–230.
6. *Курбатов А.В.* Кожаные изделия шведского периода из раскопок Ивангородской крепости /А.В. Курбатов // Российская археология. — 1995. — № 2. — С. 198–208.

7. *Курбатов А.В.* Изделия кожевенного производства в городах русского Заполярья (Мангазея) /А.В. Курбатов, О.В. Овсянников // Археологические вести. — № 6. — СПб., Изд-во «Дмитрий Буланин», 1999. — С. 245–271.
8. *Курбатов А.В.* Русь нелопотная. Об одном историографическом мифе про лапти и лапотников /А.В. Курбатов // Родина. — 2001. — № 6. — С. 42–44.
9. *Курбатов А.В.* Погребальная обувь средневековой Руси /А.В. Курбатов // Археологические вести. № 9. — СПб., Изд-во «Дмитрий Буланин», 2002. — С. 155–172.
10. *Курбатов А.В.* «Меры сапожные» и проблема ремесленного ученичества /А.В. Курбатов // Археологические вести. — № 10. — СПб., Изд-во «Дмитрий Буланин», 2003. — С. 169–182.
11. *Курбатов А.В.* Кожаные предметы из раскопок на Рюриковом Городище в 2001–02 гг. /А.В. Курбатов // Археологические вести. — № 11. — СПб., Изд-во «Дмитрий Буланин», 2004. — С. 218–225.
12. *Курбатов А.В.* Мех и кожа в средневековой Европе. Рец. на: Leather and Fur. Aspects of Early Medieval Trade and Technology. Edited by Esther Cameron. London. 1998 /А.В. Курбатов, Т.С. Матехина (Варфоломеева) // Археологические вести. — № 11. — СПб., Изд-во «Дмитрий Буланин», 2004. — С. 350–357.
13. *Курбатов А.В.* История обувной моды в Скандинавии и восточноевропейские параллели. Рец.: June Swann. History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. Prehistory to 1950. Stockholm. 2001. P. 357, fig. 443 /А.В. Курбатов // Археологические вести. — № 12. — СПб., Изд-во «Дмитрий Буланин», 2005. — С. 231–244.
14. *Курбатов А.В.* Региональные черты в бытовой материальной культуре (на примере кожаных находок из раскопок в Таллине) /А.В. Курбатов // Археологические вести. — № 13. — СПб., Изд-во «Дмитрий Буланин», 2006. — С. 264–272.
15. *Курбатов А.В.* Этапы освоения Севера в связи с развитием кожевенного ремесла средневековой России /А.В. Курбатов // Археологические вести. — № 14. — М., Изд-во «Наука», 2007. — С. 157–165.
16. *Курбатов А.В.* Музееведение и археология — две составляющих в изучении древнерусской моды и кожевенного ремесла. Рец.: Осипов Д.О. Обувь московской земли XII–XVIII вв. 2006. М.: ИА РАН. Материалы охранных археологических исследований. Т. 7. /А.В. Курбатов // Археологические вести. — № 15. — М., Изд-во «Наука», 2008. — С. 246–254.

17. Курбатов А.В. О внестратиграфическом датировании комплексов кожаных изделий в русских средневековых городах /А.В. Курбатов // Записки ИИМК РАН. — № 3. — СПб., Изд-во «Дмитрий Буланин», 2008. — С. 210–233.
18. Курбатов А.В. «Монашеские пояса» и параманды в связи с техническими традициями древнерусского кожевенного ремесла /А.В. Курбатов // Записки ИИМК РАН. — № 4. — СПб., Изд-во «Дмитрий Буланин», 2009. — С. 195–211.
19. Курбатов А.В. Кожаные предметы личного обихода в позднесредневековом Турку: Рец. на: Janne Harjula. Sheaths, scabbards and grip covering. The use of leather for portable personal objects in the 14th – 16th century Turku // *Archaeologia Medii Aevi Finlandiae*, X. 2005. /А.В. Курбатов // Археологические вести. — № 16. — М., Изд-во «Наука», 2009. — С. 212–223.
20. Курбатов А.В. Культура и ремесло русского заполярного города: кожаные изделия Мангазеи по раскопкам 2001–2007 гг. /А.В. Курбатов // Записки ИИМК РАН. — № 5. — СПб., Изд-во «Дмитрий Буланин», 2010. — С. 211–230.
21. Курбатов А.В. Рабочая одежда и обувь средневековых горожан /А.В. Курбатов // Археологические вести. — № 17. — М., Изд-во «Наука», 2011. — С. 203–215.
- Статьи в прочих изданиях:
22. Курбатов А.В. Вопросы изучения, реставрации и консервации кожаных изделий из раскопок Ивангорода /А.В. Курбатов, А.Л. Николаева // Нарва, Ивангород, Принаровье, воздействия культур. История и археология. — Нарва, 1989. — С. 29–32.
23. Курбатов А.В. Коллекция кожаных предметов из Чернигова /А.В. Курбатов // Архітектурні та археологічні старожитності Чернігівщини. — Чернігів, 1990. — С. 119–127.
24. Курбатов А.В. Методические аспекты историко-археологического анализа средневекового кожевенного производства /А.В. Курбатов // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. — Археологические изыскания. — Вып. 3. — Л., 1991. — С. 130–140.
25. Курбатов А.В. Коллекция кожаных предметов из раскопок 1985 г. в Тверском Кремле в связи с вопросами совершенствования технологии ремесла в русских средневековых городах /А.В. Курбатов // Тверской археологический сборник. — Вып. 1. — Тверь, 1994. — С. 189–195.
26. Курбатов А.В. Опыт анализа культурных отложений на территории Тверского кремля (по раскопкам Л.А. Поповой в 1985 г.) /А.В. Курбатов // Тверской археологический сборник. — Вып. 1. — Тверь, 1994. — С. 184–188.

27. *Курбатов А.В.* Раннесредневековая обувь Старой Ладogi и вопросы сложения городского ремесла /А.В. Курбатов // Тверь и Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. — Вып. 1. — Тверь, 1996. — С. 105–113.
28. *Курбатов А.В.* Кожаные предметы из Чернигова /А.В. Курбатов // Археология. — № 2. — Киев, Изд-во «Наукова думка», 1996. — С. 148–151.
29. *Курбатов А.В.* Камень с петроглифами из г. Твери в контексте проблематики наскальных изображений Европы /А.В. Курбатов // Тверской археологический сборник. — Вып. 2. — Тверь, 1996. — С. 347–351.
30. *Курбатов А.В.* Кожевенно-обувная мастерская в контексте культурного слоя /А.В. Курбатов // Тверь и Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. — Вып. 2. — Тверь, 1997. — С. 277–290.
31. *Курбатов А.В.* Раннесредневековая обувь Поволховья и вопросы сложения городского ремесла /А.В. Курбатов // Древности Поволховья. — СПб., 1997. — С. 117–128.
32. *Курбатов А.В.* Археологическая реконструкция застройки Большого Бояршего города в Ивангородской крепости (Раскоп № 1) /А.В. Курбатов // Крепость Ивангород. Новые открытия. — СПб., Изд-во «Дмитрий Буланин», 1997. — С. 86–123.
33. *Курбатов А.В.* Кожевенное производство Твери XIII–п.п. XV вв. по раскопкам Тверского кремля 1993–96 гг. /А.В. Курбатов // Михаил Тверской: личность, эпоха, наследие. — Тверь, 1997. — С. 127–147.
34. *Курбатов А.В.* Формирование музейных фондов массового археологического материала (теория и практика) /А.В. Курбатов // Музей в современной культуре. — Научные труды СПбГАК. — Т. 147. — СПб., 1997. — С. 51–68.
35. *Курбатов А.В.* Кожаные изделия средневекового Орешка /А.В. Курбатов, В.И. Кильдюшевский // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. — Т. 1. — СПб.-Псков, 1997. — С. 270–280.
36. *Курбатов А.В.* Данные этнографии в реконструкции русского средневекового кожевенного производства /А.В. Курбатов // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. — Т. 1. — СПб.-Псков, 1997. — С. 367–373.
37. *Курбатов А.В.* Кожаные предметы из раскопок Пустозерска /А.В. Курбатов, О.В. Овсянников // Третьи Авакумовские чтения. — Нарьян-Мар, 1998. — С. 42–55.
38. *Курбатов А.В.* Погребальная обувь из раскопок псковской «скудельницы» XVI в. /А.В. Курбатов, Т.Е. Ершова // Церковная археология. 4. — СПб., 1998. — С. 103–106.

39. *Курбатов А.В.* Наследие М.К.Каргера: коллекция кожаных предметов из раскопок 1957 г. на Верхнем замке Полоцка /А.В. Курбатов // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. — СПб., 1999. — С. 100–117.
40. *Курбатов А.В.* Культурные влияния Востока в кожевенном производстве средневековой Руси /А.В. Курбатов // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма). — Т. 2. — Самара, 2001. — С. 197–210.
41. *Курбатов А.В.* Кожевенная терминология и материальная культура /А.В. Курбатов // Древние ремесленники Приуралья. — Ижевск, 2001. — С. 399–416.
42. *Курбатов А.В.* Кожевенное производство в лексике берестяных грамот /А.В. Курбатов // Староладожский сборник. — Вып. 4. — СПб.–Старая Ладога, 2001. — С. 10–21.
43. *Курбатов А.В.* К истории лаптя на Руси (жизнь историографических мифов XVIII в.) /А.В. Курбатов // Тверской археологический сборник. — Вып. 4, т. II. — Тверь, 2001. — С. 225–233.
44. *Курбатов А.В.* Традиционность в материальной культуре русской провинции позднего средневековья /А.В. Курбатов, В.И. Кильдюшевский // Тверской археологический сборник. — Вып. 4, т. II. — Тверь, 2001. — С. 307–315.
45. *Курбатов А.В.* А была ли Русь лапотной? Об одном историографическом мифе /А.В. Курбатов // Альманах «Отечество». — № 1. — М., 2002. — С. 51–59.
46. *Курбатов А.В.* New archaeological excavations in Viipuri. Results of field investigations of the 1998–2001 seasons and current research problems of urban history / A. Saksa, A. Kurbatov, S. Belsky, N. Polyakova, M. Suhonen // Fennoscandia archaeological. — XIX. — Helsinki, 2002. — P. 37–64.
47. *Курбатов А.В.* «Юфть»: историко-археологический комментарий /А.В. Курбатов // Староладожский сборник. — Вып. 5. — СПб.–Старая Ладога, 2002. — С. 158–174.
48. *Курбатов А.В.* Кожаные предметы из Пустозерска /А.В. Курбатов // Ясински М.Э., Овсянников О.В. Пустозерск. Русский город в Арктике. — СПб., Изд-во «Петербургское востоковедение», 2003. — С. 225–243.
49. *Курбатов А.В.* Выборг — первые века истории (некоторые итоги исследований 1998–2001 гг.) /А.И. Сакса, А.В. Курбатов, С.В. Бельский, Н.Ю. Полякова // Проблемы балтийской археологии. — Вып. 1. — Калининград, 2003. — С. 129–140.
50. *Курбатов А.В.* Новые данные по истории ремесленного ученичества в средневековой Руси /А.В. Курбатов // Культурное наследие Российского государства. — Вып. 4. — СПб., Изд-во ИПК «Вести», 2003. — С. 373–383.

51. *Курбатов А.В.* Кожаные изделия средневекового Выборга по раскопкам 2000–2001 гг. /А.В. Курбатов // Староладожский сборник. — Вып. 6. — СПб.-Старая Ладога, 2003. — С. 122–158.
52. *Курбатов А.В.* Коллекция кожи из раскопок г. Торжка в 1994 г. (Климентовский-1 раскоп) /А.В. Курбатов // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. — Вып. 5. — Тверь, 2003. — С. 148–158.
53. *Курбатов А.В.* Обувная мода в средневековой Руси (по находкам из раскопок в Твери) /А.В. Курбатов // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. Сборник статей памяти профессора И.В. Дубова. — СПб., Изд-во СПб Университета, 2004. — С. 102–115.
54. *Курбатов А.В.* Комплекс раннемосковского времени с Затьмацкого посада г. Твери /А.В. Курбатов // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы 50 научного семинара. — Псков, 2004. — С. 268–282.
55. *Курбатов А.В.* Кожевенное производство древнего Пскова по материалам Васильевского раскопа 1990 г. /А.В. Курбатов, Б.Н. Харлашов // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы 50 научного семинара. — Псков, 2004. — С. 137–153.
56. *Курбатов А.В.* Этапы развития кожевенного ремесла в средневековой России /А.В. Курбатов // Новгородские археологические чтения-2. — Великий Новгород, 2004. — С. 81–89.
57. *Курбатов А.В.* Кожаные предметы из раскопов IVA и XIV на ул. Ленина /А.В. Курбатов // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы LI научного семинара. — Псков, 2006. — С. 87–112.
58. *Курбатов А.В.* Русская обувная мода XVII в. по археологическим материалам /А.В. Курбатов // Мода и дизайн: исторический опыт, новые технологии. Материалы 9-й Международной научной конференции. — СПб, 2006. — С. 367–373.
59. *Курбатов А.В.* Археология и палеоэтнография средневековой Твери (по материалам кожевенного ремесла) /А.В. Курбатов // Древняя Тверь. Материалы научной конференции. — Тверь, 2006. — С. 42–72.
60. *Курбатов А.В.* Древнерусская одежда и обувь: от археологических реалий до историко-культурных реконструкций /А.В. Курбатов // Музей. Экскурсия. Туризм. Материалы конференции. — СПб., 2006. — С. 139–144.
61. *Курбатов А.В.* Предыстория русского кожевенного ремесла /А.В. Курбатов // *Stratum plus*, 2003–2004. — № 5. — Кишинев-СПб., 2006. — С. 283–304.

62. Курбатов А.В. Кожевенное ремесло в ранней Ладоге по раскопкам 1997–2005 гг. /А.В. Курбатов, Н.В. Григорьева // Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения. Материалы тематической научной конференции. — СПб., 2006. — С. 109–117.
63. Курбатов А.В. Связи Поволховья с регионами Балтийского моря в VIII–XI вв. по материалам кожевенного ремесла /А.В. Курбатов // Ладога и Ладужская земля в эпоху средневековья. — Вып. 1. — СПб., Изд-во «Нестор-История», 2006. — С. 54–71.
64. Курбатов А.В. Новгородская «революция XII века» и прогресс в кожевенном ремесле /А.В. Курбатов // У истоков русской государственности. К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова Городища и Новгородской областной археологической экспедиции. — СПб., Изд-во «Дмитрий Буланин», 2007. — С. 89–133.
65. Курбатов А.В. Современная проблематика в изучении русского средневекового кожевенного ремесла /А.В. Курбатов // Тверской археологический сборник. — Вып. 6, т. II. — Тверь, 2007. — С. 306–319.
66. Курбатов А.В. Этапы технического совершенствования в кожевенном деле средневековой России /А.В. Курбатов // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда, Суздаль, 2008 г. — Т. II. — М., 2008. — С. 472–476.
67. Курбатов А.В. Серийные кожаные изделия неопределенного назначения /А.В. Курбатов // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст. Материалы тематической научной конференции. — СПб, 2008. — С. 260–268.
68. Курбатов А.В. Кожаные предметы из Петровского 4 раскопа /А.В. Курбатов, Б.Н. Харлашов // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы LIII заседания семинара. — Псков, 2008. — С. 75–88.
69. Курбатов А.В. Начальный период сложения средневекового кожевенного ремесла на Руси /А.В. Курбатов // Ладога и Ладужская земля в эпоху средневековья. — Вып. 2. — СПб., Изд-во «Нестор-История», 2008. — С. 68–151.
70. Курбатов А.В. Археологические данные о кожевенно-обувном ремесле в древнем Владимире /А.В. Курбатов // Археология Владимиро-Суздальской земли. — Вып. 2. — М., 2008. — С. 171–190.
71. Курбатов А.В. Инструменты и приспособления для пошива кожаных изделий в средневековой России /А.В. Курбатов // Stratum plus, 2005–2009. — № 5. — СПб.-Кишинев-Одесса-Бухарест, 2009. — С. 284–310.

72. *Курбатов А.В.* Торговля кожевенными товарами в средневековой России или «феномен русской кожи» /А.В. Курбатов // Археология и история Литвы и Северо-запада России в раннем и позднем средневековье. — СПб., Изд-во «Нестор-История», 2009. — С. 122–133.
73. *Курбатов А.В.* Рабочая одежда и обувь средневековых горожан /А.В. Курбатов // Мода и дизайн: исторический опыт, новые технологии. Материалы XII Международной научной конференции. — СПб., 2009. — С. 72–84.
74. *Курбатов А.В.* Кожаные фартуки в археологических коллекциях /А.В. Курбатов // «Хорошие дни». Сборник памяти А.С. Хорошева. — М.-СПб., Изд-во ООО «ЛеопАрт», 2009. — С. 325–333.
75. *Курбатов А.В.* О специальной воинской обуви в средневековой России /А.В. Курбатов // «Краеугольный камень». Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. 80-летию со дня рождения А.Н. Кирпичникова посвящается. — Т. 1. — СПб., Изд-во «Ломоносов», 2009. — С. 416–431.
76. *Курбатов А.В.* Изображения кожаных изделий в древнерусском искусстве и археологические реалии /А.В. Курбатов // Архитектура и археология древней Руси. — Труды Гос. Эрмитажа. — Вып. XLVI. — СПб., Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. — С. 364–371.
77. *Курбатов А.В.* Кожаная обувь раннесредневековой Ладоги. Обувь Рюрика и «его рода»? /А.В. Курбатов // МНК «Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света» // Труды Гос. Эрмитажа. — Вып. XLVIII. — СПб., Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. — С. 189–202.
78. *Курбатов А.В.* Обувная мода в костюме Московской Руси /А.В. Курбатов // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. Научный журнал. — № 2. — Серия история. — СПб., 2009. — С. 25–35.
75. *Курбатов А.В.* О городе Болгар и сорте кожи «булгари» /А.В. Курбатов // Средневековая Русь: перекресток культур. Сборник к 60-летию Е.Н. Носова. — СПб., Изд-во «Дмитрий Буланин», 2010. — С. 447–452.
80. *Курбатов А.В.* Кожевенное сырье, техническое обеспечение его выделки и сортамент кож средневековой Руси /А.В. Курбатов // *Stratum plus*, 2010. — № 5. — СПб.-Кишинев-Одесса-Бухарест, 2010. — С. 169–218.
81. *Курбатов А.В.* Кожевенное ремесло Северо-Западной Руси /А.В. Курбатов // Культурное наследие Российского государства. — Вып. 5, часть 1. — СПб., Изд-во ИПК «Вести», 2010. — С. 64–78.

82. *Курбатов А.В.* Рабочая одежда и обувь средневековых горожан /А.В. Курбатов // Археология и история Пскова и Псковской земли. Заседание 55. — Псков, 2010. — С. 232–248.

Заметки и тезисы:

83. *Курбатов А.В.* Развитие технологии выделки кожи и кожевенно-обувного производства в средневековых русских городах /А.В. Курбатов // Города Верхней Руси. Истоки и становление. — Торопец, 1990. — С. 57–61.
84. *Курбатов А.В.* Коллекция кожаных предметов из раскопок крепости Ивангород /А.В. Курбатов // Археология и история Пскова и Псковской земли, 1991. Материалы симпозиума. — Псков, 1992. — С. 72–75.
85. *Курбатов А.В.* Некоторые вопросы сложения традиций средневекового русского кожевенного производства (по материалам Пскова) /А.В. Курбатов, Е.С. Зубкова // Археология и история Пскова и Псковской земли, 1991. Материалы симпозиума. — Псков, 1992. — С. 39–42.
86. *Курбатов А.В.* Совершенствование технологии кожевенно-обувного производства в русских средневековых городах (по материалам раскопок 1985 г. в Твери) /А.В. Курбатов // Памятники истории, культуры и природы Европейской России. — Нижний Новгород, 1993. — С. 25–26.
87. *Курбатов А.В.* Опыт исторической интерпретации изделий кожевенно-обувного производства /А.В. Курбатов // Древний Псков. Исследования средневекового города. Материалы конференции. — СПб., 1994. — С. 86–90.
88. *Курбатов А.В.* Раннесредневековая обувь на северо-западе России и вопросы сложения ремесла /А.В. Курбатов // Древности Северо-Западной России. — СПб., 1995. — С. 64–67.
89. *Курбатов А.В.* К вопросу об этно-социальной принадлежности кожаных предметов /А.В. Курбатов // Ладога и Северная Русь. — СПб., 1995. — С. 49–51.
90. *Курбатов А.В.* Кожевенное производство Твери в XIII–XIV вв. /А.В. Курбатов // Великий князь Михаил Ярославич: личность, эпоха, наследие. ТД юбилейной НК. — Тверь, 1996. — С. 41–43.
91. *Курбатов А.В.* Уровень технологии кожевенного ремесла в древнерусский период /А.В. Курбатов // Ладога и Северная Европа. — СПб., 1996. — С. 81–83.
92. *Курбатов А.В.* Отражение межрегиональных контактов по материалам кожевенного производства Твери XIII–XIV вв. /А.В. Курбатов // Культурные взаимодействия в условиях контактных зон. — СПб., 1997. — С. 75–78.

93. *Курбатов А.В.* Кожевенная терминология и материальная культура /А.В. Курбатов // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова. ТД НК. — М., Изд-во Московского Университета, 1999. — С. 23–26.
94. *Курбатов А.В.* Культурные влияния Востока в кожевенном производстве средневековой Руси /А.В. Курбатов // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н. э. (из истории костюма). ТД III международной археологической конференции. — Самара, 2000. — С. 82–86.
95. *Курбатов А.В.* Исследования в Антониево-Дымском монастыре /А.В. Курбатов, Д.Н. Григорьев // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша. Связующие пути и организующие центры. — СПб., 2002. — С. 191–195.
96. *Курбатов А.В.* Стиль и мода по материалам обуви средневековой Руси /А.В. Курбатов // Мода и дизайн: исторический опыт — новые технологии. Материалы МНК. — СПб., 2004. — С. 214–219.
97. *Курбатов А.В.* Древнерусская обувная мода и время появления фигуры «мастера Авраама» /А.В. Курбатов // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. Материалы тематической НК. — СПб., 2004. — С. 170–173.
98. *Курбатов А.В.* О времени появления валяной обуви в России /А.В. Курбатов // Мода и дизайн: исторический опыт, новые технологии. Материалы 8-й МНК. — СПб., 2005. — С. 43–48.
99. *Курбатов А.В.* Декор древнерусских кожаных изделий: традиция и мода /А.В. Курбатов // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. МНК, посвященная 100-летию со дня рождения Г.Ф. Корзухиной. — СПб., 2006. — С. 82–85.
100. *Курбатов А.В.* История войлока и валяной обуви на Руси /А.В. Курбатов // Живая старина. — № 3 (51). — М., 2006. — С. 31–33.
101. *Курбатов А.В.* Программа изучения средневекового русского кожевенного ремесла /А.В. Курбатов // Материалы III (XIX) Всероссийского археологического съезда. — Т. II. — СПб.-М.-Вел. Новгород, 2011. — С. 157–158.

Подписано в печать 17.02.2012г.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 3,0. Тираж 120 экз.
Заказ № 2508.

Отпечатано в ООО «Издательство “ЛЕМА”»
199004, Россия, Санкт-Петербург, В.О., Средний пр., д. 24
тел.: 323-30-50, тел./факс: 323-67-74
e-mail: izd_lemma@mail.ru
<http://www.lemaprint.ru>

10⁻²